

МУРЗИЛКА

ДЕТИЗДАТ
ЯНВАРЬ 1936

№ 1

Содержание

Песенка. Рисунки худ. А. Брея	1
Орден Ленина. Л. К. Фото М. Калашникова . . .	2
Турецкие бутсы. Л. Кассиль. Рисунки худ. А. Каневского	4
Кинули. В. Чаплина. Фото Е. Игнатович	8
„Мартовское солнце“. С картины худ. К. Ф. Юона	10
Прыжок. Рассказ Льва Толстого. Рисунки худ. Г. Нисского	11
Кот, тигр и человек. Казакская сказка. Обработка Н. Северина. Рисунки худ. А. Брея	13
Письмо к Дусе Виноградовой. Стихи З. Александровой. Рисунки худ. А. Щербакова	14
Мимоза. Стихи С. Михалкова. Рисунки худ. А. Каневского	15
Белка. Рассказ М. Пришвина. Рисунки худ. Р. Барто	16
Про щенка и про котенка. Стихи А. Введенского. Рисунки худ. К. Кузнецова	18
Лондон—Москва. Переписка школьников	20
Игра, головоломки, загадки	
Ответ Дуси Виноградовой	

На обложке рисунок худ. А. Могилевского

XV 63
II

Ф-70-хш

З. Александрова
Худ. А. Брей

Песенка

Снежная лужайка.
Теплая фуфайка.
Я на лыжах бегу —
ты меня поймай-ка!

На березе снегири
ярче утренней зари.
Синие синички —
снег за рукавички.

Белая дорожка,
подожди немножко:
кто-то ходит за кустом —
заяц или кошка?

Если кошка ходит — пусть,
если заяц — не боюсь.
Если волк с медведем —
дальше не поедем!

ОРДЕН ЛЕНИНА

Никогда еще не было, чтобы такая маленькая девочка получила такую большую награду.

Пионерку Мамлакат Нахангову советское правительство наградило за хорошую колхозную работу орденом Ленина.

Орден Ленина—самый почетный орден в нашей стране. Его носят на груди самые лучшие люди. Под орденом Ленина бьются самые смелые, самые верные сердца. Самые храбрые летчики, самые ученые профессора, самые умелые мастера носят орден Ленина.

Двенадцать лет прошло с тех пор, как умер Владимир Ильич Ленин. Коммунисты продолжают дело Ленина. Коммунистами руководит лучший ленинец товарищ Сталин. И люди, работающие по-сталински, помогающие делу Ленина, награждаются славным ленинским орденом.

Двенадцать лет назад умер Ленин.

Мамлакат родилась двенадцать лет назад. Мамлакат прожила еще очень мало лет, но, когда она собирает 102 килограмма хлопка в день, когда она получает в школе „отлично“, когда она рапортует об этом товарищу Сталину, мы говорим:

— Вот наша живая память о Ленине, вот как выполняем мы сегодня его заветы, вот как живет великое дело Ленина!

Мамлакат вместе с лучшими ударниками-хлопкоробами Таджикистана приехала в Москву на совещание.

Сталин ей подарил часы. И Мамлакат держит левую руку все время немножко на отлете. А потом припадает ухом к стеклу и слушает: тик-так, тик-так. Замечательно тикают! Мамлакат Нахангова молчит. Она ни с кем не хочет разговаривать. Она хочет слушать, как тикают новые часы. И обо всем она уже рассказала Сталину. Чего от нее еще хотят?

— Не скажу я ничего,— отвернулась она от нас и ковыряет стенку.— Я сказала уже все... Сталин попросит, опять тогда скажу. А так все сказала...

— Тебе, верно, не говорить, а в куклы играть хочется?— спросил ее я нарочно.

Мамлакат сверкнула на меня глазами.

— Не люблю я играть в куклы,— быстро-быстро заговорила она,— неинтересно играть в куклы, зачем мне куклы? Сам пускай играет в куклы. Если бы играла

в куклы, то не собрала бы сто два килограмма хлопка. Мне учиться интересно, работать интересно. Хлопок собирать интересно. Я все была маленькая, и меня не пускали собирать. Я хотела, а меня не пускали. А я все хотела. Меня не пускали. А я тогда сама после школы стала собирать. Я умею двумя руками. Надо собирать хлопок двумя руками. Я всех учу собирать двумя руками. У нас в колхозе мужчины собирают пятьдесят килограммов. Я раньше собирала одной рукой, и было тоже пятьдесят килограммов. На шестой день стала собирать двумя руками, и вышло сто два килограмма. Я уже теперь высокая — хлопок ниже меня.

Мамлакат рассказала, как она учится в школе во втором классе. Она — отличница, эта маленькая колхозница, и по родному языку у нее отлично, и по математике отлично.

И самое главное — она уже пионерка.

— Я над десятью пионерами самая главная, — быстро-быстро

рассказывает Мамлакат. — Они тоже все захотели хлопок собирать. Другие девочки тоже научились хорошо хлопок собирать. Видят, что я много собираю, и сами стали больше собирать. А меня вчера товарищ Сталин вот так обнял. И я его что есть силы обняла. И не скажу я больше ничего. Сказала уж все тридцать раз. Вот уже на часах маленькая стрелка тут была, а теперь вот где маленькая стрелка. Не скажу я больше ничего...

И Мамлакат поехала в гости к писателю Лахути. Там первым делом отправилась Мамлакат в ванну.

— Ты часы с рукиними, — сказала ей жена писателя.

— Не сниму я часов, — заупрямилась Мамлакат.

— Как же так?.. С часами купаться будешь?

— С часами... Ни за что я их не сниму. И на минуту не сниму. Никогда не сниму.

Ну, и, конечно, вода попала в часы. И часы стали. Мамлакат мигом вылезла из ванны, вытерлась мохнатой простыней. Только слезы никак не могла вытереть.

— Ой, что я наделала! Ой, что я наделала, — испортила сталинские часы!

Но товарищ Лахути позвонил по телефону в часовую мастерскую и рассказал все, что случилось.

Приехал мастер. Он повертел винтики в часах, и часы снова затикали. Мамлакат засмеялась, а мастер сказал:

— Так вот она какая, Мамлакат!..

Л. К.
Ва хоттаји
Золот
Мамлакат 8/ХII-35
Привет всем ребятам

МАМЛАКАТ 3

Турецкие бутсы

Лев Кассиль

Худ. А. Каневский

Пека Дементьев очень знаменит. Его все знают. Он один из самых ловких, самых смелых и искусных футболистов Советского союза. Где бы ни играли: в Москве, в Ленинграде, в Киеве или в Турции, как только выходит на поле сборная команда СССР, все сейчас же кричат:

— Вон он!.. Вон Дементьев!.. Курносый такой, с вихром на лбу!.. Вон, самый маленький! Ах, молодец Пека!..

Узнать его очень легко. Он еще года два назад был школьником. Он до плеча всем. Его и сейчас в команде никто не зовет по фамилии — Дементьев или по имени — Петр. Его все ласково зовут Пекой. Пека — и все.

А в Турции, куда недавно ездили наши лучшие футболисты, борцы и другие мастера спорта, его прозвали „товарищ Тонтон“. Тонтон — это значит по-турецки — маленький. И как только выкатится Пека с мячом на поле, сейчас же зрители начинали кричать:

— А, товарищ Тонтон!.. Bravo, товарищ Тонтон!.. Чок гюзель, очень хорошо!..

На поле во время игры Пека самый быстрый. Мяч вертится в его ногах, бежит за ним, как собачка, юлит, кружится. Никак не отнимешь мяча у Пеки.

А дома, в вагоне, на корабле, в гостинице, Пека самый тихонький. Сидит, молчит. Или спит. Может двенадцать часов проспать. А потом двенадцать часов промолчать. Очень серьезный этот наш Пека.

Только с бутсами ему не повезло. Бутсы — это толстые ботинки для футбола.

Пека Дементьев отнимает мяч у турецких игроков

Они сшиты из толстой кожи. Подошва у них крепкая, вся в пенечках — шипах, с подковкой. Это, чтобы не скользить по траве, чтобы крепче держаться на ногах. Без бутс и играть нельзя.

Когда Пека поехал с нами в Турцию, в его чемодане аккуратно было сложено все футбольное хозяйство: белые трусики, толстые полосатые чулки, щитки для ног (чтобы не так больно было, если стукнут), потом красная почетная майка сборной команды СССР с золотым нашитым гербом Советского союза и, наконец, хорошие бутсы. Бутсы были боевые, испытанные. Ими Пека забил уже пятьдесят мячей — гблов. Они были не велики, не малы — в самый раз.

Но футбольные поля Турции оказались жесткими, как камень, без травы. Пеке прежде всего пришлось срезать шипы на подошвах. Здесь с шипами играть было невозможно. А потом на первой же игре Пека истоптал и разбил свои бутсы на каменистой почве. Да тут еще один турецкий футболист так ударил Пеку по ноге, что бутса разлетелась пополам. Пека привязал подошву веревочкой

и кое-как доиграл матч. И все-таки он ухитрился вбить туркам один гол. Турецкий вратарь кинулся, прыгнул, но поймал только оторвавшуюся Пекину подошву. А мяч был уже в сетке.

После матча Пека пошел, хромя, покупать новые бутсы. Мы хотели проводить его, но он строго сказал, что обойдется без нас и сам купит.

Он ходил по магазинам очень долго, но нигде не мог найти бутс по своей маленькой ноге. Все были ему велики.

Через два часа он, наконец, вернулся в нашу гостиницу. В руках у него была большая коробка. Футболисты обступили его.

— Ну-ка, Пека, покажи обновку.

Пека важно распаковал коробку. Все так и присели. В коробке лежали невиданные, красные с желтым, и такие огромные бутсы, что в каждом из них уместились бы сразу обе ноги Пеки.

— Ты что это, на рост купил, что ли? — спросили мы у Пеки.

— Меньше не нашел. В магазине они были самые маленькие, — заявил нам Пека, — и смеяться тут нечего. Что я не вырасту, что ли? Зато заграничные.

— Ну, будь здоров, расти большой в заграничных бутсах, — сказали футболисты и так захохотали, что у дверей гостиницы стал собираться народ. Пека аккуратно завернул новые бутсы в бумагу и лег спать, хотя на дворе был еще день.

Наутро он явился в ресторан завтракать в новых, цветистых бутсах.

— Разносить хочу, — спокойно заявил нам Пека, — а то левый жмет маленько.

— Ого, растешь ты у нас, Пека, не по дням, а по часам, — сказали ему. — Смотри-ка, за одну ночь ботинки малы стали. Этак, пожалуй, когда из Турции уезжать будем, бутсы совсем тесны станут, выкинуть придется.

Пека уплетал молча вторую порцию завтрака.

Как мы ни смеялись над Пекиными бутсами, он украдкой напихивал в них бумаги, чтобы нога не болталась, и выходил на футбольное поле. Он даже гол в них забил.

Бутсы здорово натерли ему ногу, но Пека из гордости не хромал и очень хвалил свою покупку.

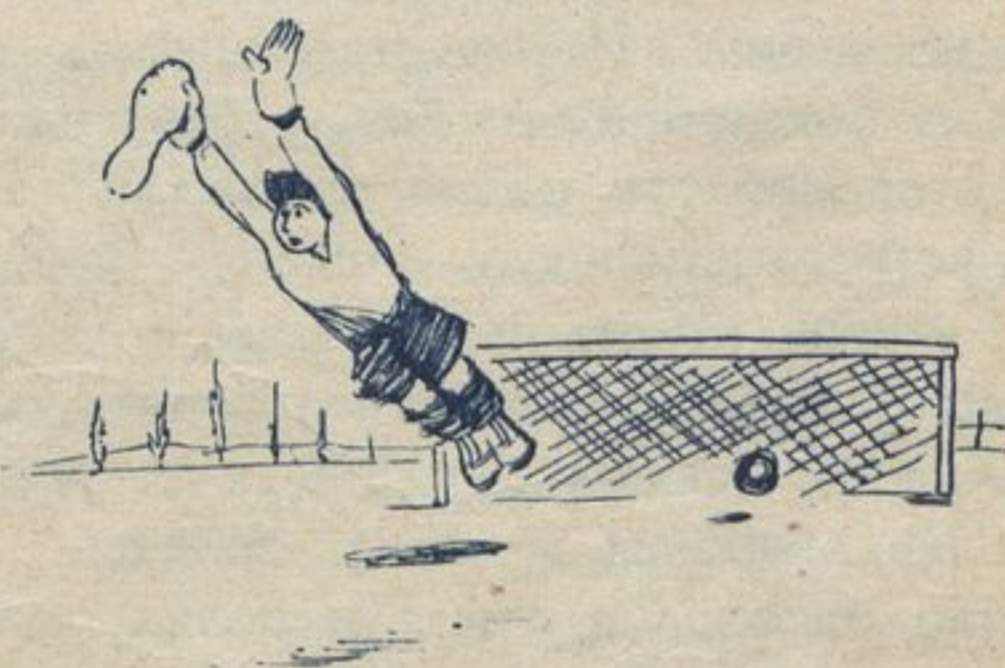
Когда наша команда сыграла последнюю игру в турецком городе Измире, мы стали укладываться в дорогу. Вечером мы уезжали обратно в Стамбул, а оттуда на пароходе домой. И тут оказалось, что огромные Пекины бутсы не лезут в чемодан. Чемодан был набит изюмом, рахат-лукумом и другими турецкими сладостями. Их нам подарили гостеприимные турки. И Пеке пришлось бы нести знаменитые бутсы отдельно в руках. Но они ему самому так надоели, что Пека решил отделаться от них. Он засунул их за шкаф в своей комнате, сдал в багаж чемодан и поехал на вокзал.

— Вы ничего не забыли? — спросил нас хозяин гостиницы.

— Нет, ничего, а что? — сказал Пека.

На вокзале мы сели в вагоны, пробил звонок, паровоз загудел, поезд тронулся... Как вдруг на перрон выбежал запыхавшийся мальчик из нашего отеля.

— Мосье Дементьев! Господин Дементьев! Товарищ Тонтон! — кричал он, раз-

махивая чем-то пестрым. — Вы забыли в номере свои ботинки... Пожалуйста!

И знаменитые Пекины бутсы влетели в окно вагона, где молча и сердито их взял серьезный наш Пека.

Когда ночью в поезде все заснули, Пека тихонько встал и выбросил бутсы в окно. Поезд шел полным ходом, за окном неслась турецкая ночь. Теперь уж Пека твердо знал, что он отделался от своих бутс. Но едва мы приехали в город Анкару, как на вокзале нас спросили:

— Скажите, ни у кого из вас не выпадали из окна вагона футбольные ботинки? Мы получили телеграмму, что из скорого поезда на сорок третьем перегоне вылетели бутсы. Их завтра доставят сюда.

Так бутсы второй раз догнали Пеку.

Больше он уже не пытался отделаться от них. В Стамбуле мы сели на пароход „Чичерин“ Пека спрятал свои злополучные бутсы под корабельную койку, и все о них забыли.

К ночи в Черном море начался шторм. Корабль стало качать. Сперва его качало с носа на корму, с носа на корму, с носа на корму... Потом стало шатать с боку на бок, с боку на бок, с боку на бок... В столовой суп выливался из тарелок, из буфета выпрыгивали стаканы. Занавеска на дверях каюты поднималась к потолку, как будто ее сквозняком притянуло. Все качалось, все шаталось, всех тошнило.

Пека заболел морской болезнью. Ему было плохо. Он лежал и молчал. Только иногда он вставал и спокойно говорил:

— Минуты через две меня опять стошнит.

Он выходил на прыгающую палубу, держался за перила и снова возвращался на койку. Все его очень жалели, но всех тоже тошнило.

Три дня ревел и трепал нас шторм. Страшные валы, величиной с трехэтажный дом, швыряли наш пароход, били его, вскидывали. Чемоданы с изюмом кувыркались, как клоуны, двери хлопали, все скрипело и гремело. Четыре года не было такого шторма на Черном море.

Маленький Пека ездил на своей койке взад и вперед. Он не доставал ногами до стенки, и его то стучало об одну стену головой, то било пятками о другую. Пека терпеливо сносил все. Над ним никто уже не смеялся.

Но вдруг из дверей Пекиной каюты важно вышли большие футбольные бутсы. Ботинки шествовали самостоятельно. Сначала вышел правый, потом левый. Левый споткнулся о порог, но легко перескочил и толкнул правый. Тут из каюты выскочил сам Пека. Теперь уже не бутсы догоняли Пеку, а Пека сам пустился за удиравшими ботинками. Дело в том, что от сильной качки бутсы выкатились из-под койки; сперва их швыряло по каюте, а потом выбросило в коридор.

— Караул, у Пеки бутсы сбежали! — закричали футболисты, валясь с ног не то от хохота, не то от качки.

Пека мрачно догнал свои бутсы и водворил их в каюте на место.

Скоро на пароходе все спали. В двенадцать часов двадцать минут ночи раздался страшный удар. Весь корабль задрожал. Все разом вскочили. Всех перестало тошнить.

— Погибаем! — закричал кто-то. — Намель сели!.. Разобьет теперь нас...

— Одеться всем теплее! Всем наверх! — скомандовал капитан.

В полминуты одевшись, подняв воротники пальто, выбежали мы наверх. Ночь и море бушевали вокруг. Вода, вздуваясь черной горой, мчалась на нас. Нас било о дно. Нас могло разбить, опрокинуть. Молча смотрели мы на черную эту погибель. И вдруг все повеселели. На палубу вылез Пека. Он второпях одел вместо ботинок свои большущие бутсы.

— О, — засмеялись спортсмены, — в таких вездеступах и по морю пешком пройти можно!

— Пека, одолжи левый... Тебе и правого хватит. Уместишься.

— Пека, ты лучше босиком, а то такие живо на дно потянут...

Серьезный Пека, деловито спросил:

— Ну, как, скоро тонуть?

— Куда ты торопишься? Рыбы подождут.

— Нет, я переобуться хотел, — сказал Пека.

Крепкие, веселые ребята не хотели думать о страшной опасности. Команда держалась молодцом.

— Ну, Пека, в твоих водолазных бутсах в самый раз играть со сборной дельфиньей командой. Вместо мяча кита надует. Тебе, Пека, орден морской звезды дадут.

— Здесь киты не водятся, — ответил Пека. — Держись, ребята, не дрефь...

Через два часа капитан закончил осмотр судна. Мы сидели на песке. Подводных камней не было. До утра мы могли продержаться, а утром из Одессы должен

был притти вызванный по радио спасательный пароход „Торос“.

— Ну, я пойду переобуюсь, — сказал Пека, ушел в каюту, разделся, подумал, лег и через минуту заснул.

Мы прожили три дня на наклонившемся пароходе.

Через три дня нас на шлюпках перевезли на советский спасательный корабль „Торос“.

Тут Пека снова попытался забыть свои бутсы на „Чичерине“. Но матросы привезли их на последней шлюпке вместе с багажом.

— Это чьи такие будут? — спросил веселый матрос, стоя на взлетающей шлюпке и размахивая бутсами.

Пека делал вид, что не замечает.

— Это Пекины, Пекины! — закричала вся команда. — Не отрекайся, Пека!

И Пеке торжественно вручили в собственные руки его бутсы.

Ночью Пека схватил свои ненавистные бутсы и, оглядываясь, вылез на палубу.

— Ну, — сказал Пека, — посмотрим, как вы теперь вернетесь, дряни полосатые!

И Пека выбросил бутсы в море. Волны слабо плеснули, море съело бутсы.

Утром, когда мы подъезжали к Одессе, в багажном отделении начался скандал. Один из наших футболистов никак не мог найти своих бутс.

— Они вот тут вечером лежали! — кричал он. — Вот тут, где сейчас Пекины! Куда же они девались?

Все стояли вокруг. Пека подался вперед и ахнул: знаменитые бутсы, красные с желтым, как ни в чем не бывало, лежали на чемодане. Пека сообразил.

— Слушай, Михей, — сказал он. — На, бери мои. Носи их. Как раз по твоей ноге. И заграничные все-таки.

— А сам ты что же? — спросил Михей.

— Малы стали, вырос, — солидно ответил Пека.

КИНУЛИ

В. Чаплина

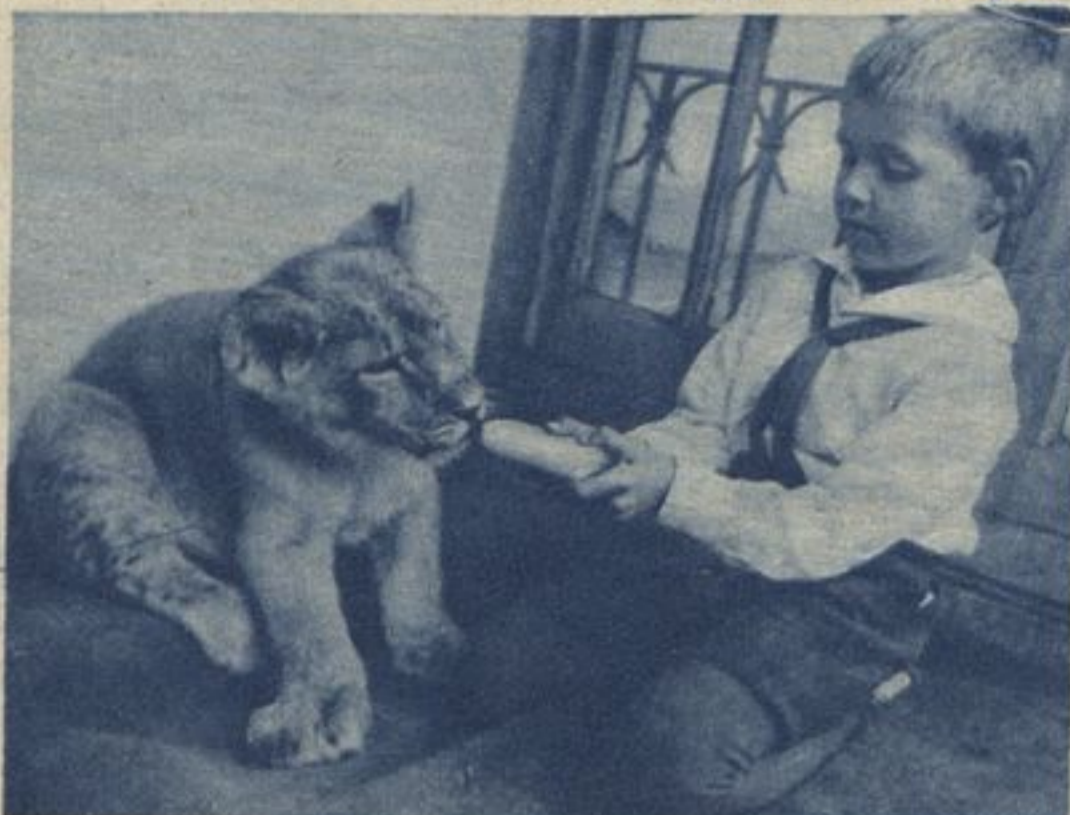
Фото А. Игнатович

Когда я взяла ее домой, она была совсем маленькая и совсем не похожа на льва. Губы красные, носик горбатый, а желтая шкурка вся покрыта пятнышками.

Ее мать — львица Манька — живет в зоопарке и сейчас. Она почему-то бросила своих детенышей, не стала их кормить, не стала их греть.

В первый же день три львенка погибли, а четвертого, самого маленького, взяла я. Взяла и назвала Кинули, потому что ее кинула мать.

Кинули у нас любили все: я, мой сынишка Толя, его приятели: Галя, Юра, Женья и все жильцы. Одним словом, вся квартира в тридцать человек. Даже Пэри, шотландская овчарка, и та жалела сироту. Она ухаживала за ней, лизала и даже позволяла себя сосать, хотя молока у нее не было. Словом, Кинули была общей любимицей, особенно ребят. Ребята, овчарка и львенок дружно играли

в мячик, в салки, в прятки. Встанут ребята у двери и шепчут в замочную скважину: „Кинули! Иди сюда, Кинули!“

А Кинули словно понимает — и к двери. Встанет на задние лапы, передней тянет за ручку, откроет, и — была такова. А в коридоре уже нет никого, спрятались ребята.

Ходит Кинули, ищет. Ищет в темной ванной, ждет за дверьми, в передней. Везде посмотрит. А потом спрячется сама.

Самое ее любимое место было за шкапом. Место это узкое, тесное, только зад умещается, а сама вся видна. Знают ребята, где Кинули. А найти ее сразу нельзя, — обидится: уйдет и больше играть не будет.

Ходят ребята, посмеиваются, делают вид, что найти ее не могут. Друг у друга спрашивают: „Где Кинули? Куда делась Кинули?“ — И так ищут, пока она не выскочит сама.

Но самая интересная игра „охота на льва“. Придумал ее Шура Дмитроченко. Ребята выходили в коридор и делились на две партии. Одна — в одном конце, другая — в другом, а посередине — Кинули. Притаится и ждет. Вон Юра бежит быстро-быстро. Кинули прыгнет, словно кошка на мышь. Поймает за ноги — значит, охотник убит, задела — ранен, а ушел — проиграла сама. Только проигрывала она редко.

Теперь ей уже семь месяцев. Никто не проскачет мимо.

Ночует она в комнате брата. Уйдет брат на работу, а она прибирает комнату, по-своему, по-львиному.

Захожу я однажды и узнать комнаты не могу: кругом пух, перья летают. На полу лежит разорванная перина, а в углу Кинули кончает рвать последнюю подушку. Что делать? Как быть? Придет Вася, ругаться будет. Надо скрыть следы преступления. Скорей схватила я иголку, нитки и давай шить. Сшила скоро, а вот пух-то насилу собрала. Ловлю его по комнате, в наволочку пихаю, а он опять вылетает. Измучилась, а Кинули хоть бы что: бегают за мной, мешают, везде нос сует. Все ей интересно.

Чинил как-то брат радио. Поставил на стол и вышел, а Кинули уже тут как тут. Кресло подвинула, на стол влезла и лапкой его оттуда и смахнула. Пришел Вася, а вместо приемника одни щепки валяются.

И все-таки для льва Кинули была послушная.

Когда стояла теплая погода, вся наша семья выходила с ней на прогулку. Гуляли мы по улице, во дворе, на скверике. Ходила Кинули медленно, важно. А прохожие за нами бегут, пальцами показывают, кричат. Даже вожатые трамваи останавливали.

Кинули у нас и в кино снималась. Да не просто так, а с музыкой. Без нее Кинули ни за что не хотела сниматься, уходила. Так и пришлось около патефона сажать человека, чтобы заводил во время съемки.

Потом она в кино ездила на себя смотреть. Она сидела в автомобиле и важно поглядывала по сторонам. А шофер испугался, согнулся над рулем, гонит машину, а шею на всякий случай тряпкой обмотал: уж очень страшная пассажирка, загрызет еще!

Приехали, входим в зал. Публика вся повскакала с мест: „Лев пришел! Лев пришел!“

Все кричат, волнуются, на стулья залезают,—кто из страха, а кто, чтобы видно было. Кинули хоть бы что!

Она залезла на диван, улеглась и смотрит по сторонам. Свет погасили, аппарат затрещал. Испугалась наша Кинули незнакомого звука, рыкнула, обернулась на шум. Потом глянула на экран. Увидела себя—насторожилась и замерла. И вдруг Кинули увидела свой мячик. Она вскочила, на экран лезет, лапой достать старается.

Смотрела Кинули картину внимательно, не отрывалась до самого конца, а как зажгли свет, еще долго не спускала глаз с полотна. Потом зевнула и сладко-сладко потянулась.

В этот день она спала особенно крепко, а во сне шевелила лапками и вздрагивала.

Наверное, ей снился сон, что мяч она все-таки достала.

„Мартовское солнце“.

С картины известного художника

Картина находится в Государственной Третьяковской галерее, в Москве.

Лев Николаевич Толстой рассказывает сказку своим внукам.

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ПРЫЖОК

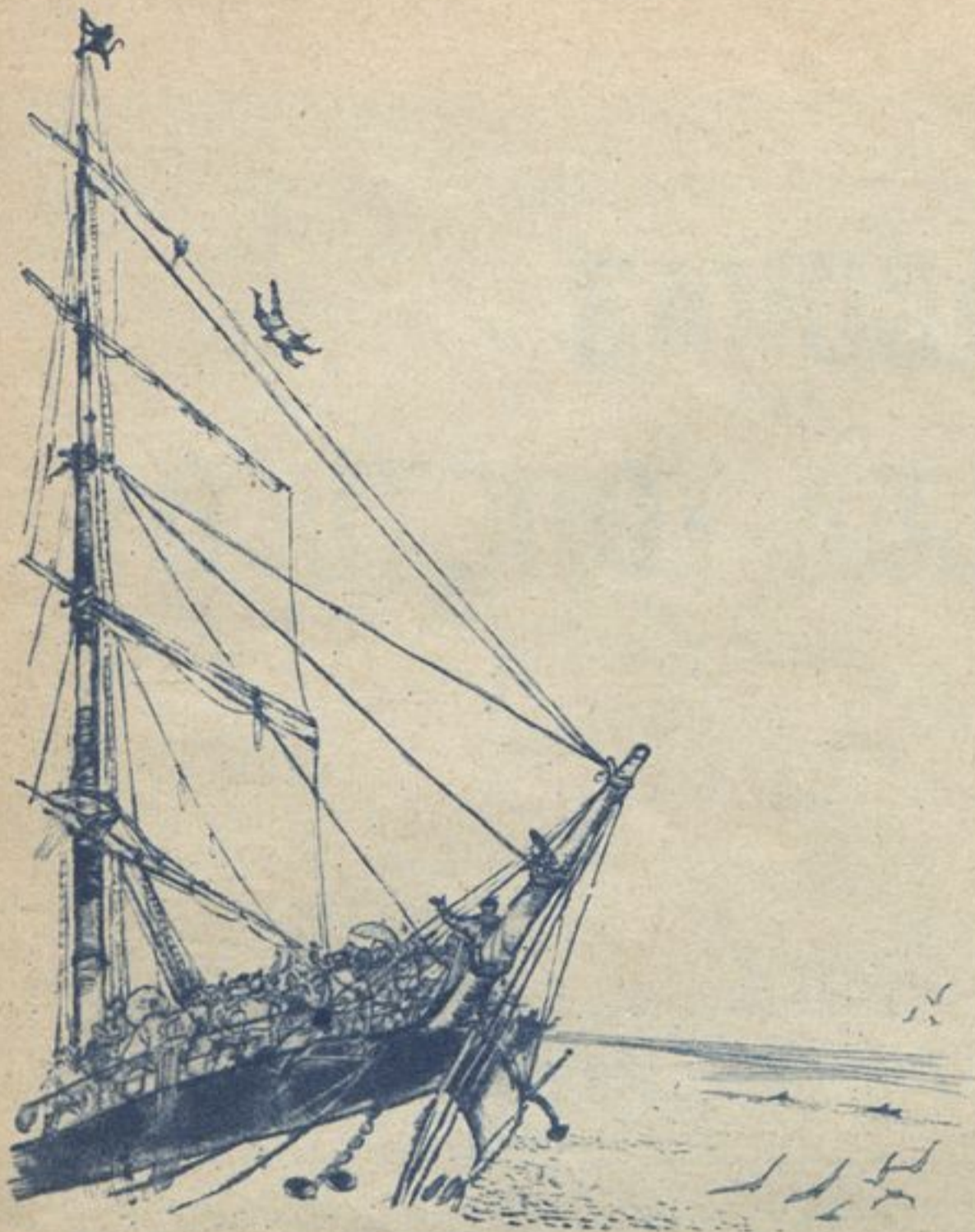
Один корабль обошел вокруг света и возвращался домой. Была тихая погода, весь народ был на палубе. Посреди народа вертелась большая обезьяна и забавляла всех. Обезьяна эта корчилась, прыгала, делала смешные рожи, передразнивала людей, и видно было — она знала, что ею забавляются, и оттого еще больше расходилась.

Она подпрыгнула к двенадцатилетнему мальчику, сыну капитана корабля, сорвала с его головы шляпу, надела и живо взобралась на мачту. Все засмеялись, а мальчик остался без шляпы и сам не знал, смеяться ли ему или плакать.

Обезьяна села на первой перекладине мачты, сняла шляпу и стала зубами и лапами рвать ее. Она как будто дразнила мальчика, показывала на него и делала ему рожи. Мальчик

погрозил ей и крикнул на нее, но она еще злее рвала шляпу. Матросы громче стали смеяться, а мальчик покраснел, скинул куртку и бросился за обезьяной на мачту. В одну минуту он взобрался по веревке на первую перекладину; но обезьяна еще ловчее и быстрее его в ту самую минуту, как он думал схватить шляпу, взобралась еще выше.

„Так не уйдешь же ты от меня!“ — закричал мальчик и полез выше. Обезьяна опять подманила его, полезла еще выше, но мальчика уже разобрал задор, и он не отставал. Так обезьяна и мальчик в одну минуту добрались до самого верха. На самом верху обезьяна вытянулась во всю длину и, зацепившись задней рукой за веревку, повесила шляпу на край последней перекладины, а сама

взобралась на макушку мачты и оттуда корчилась, показывала зубы и радовалась. От мачты до конца перекладины, где висела шляпа, было аршина два, так что достать ее нельзя было иначе, как выпустить из рук веревку и мачту.

Но мальчик очень раззадорился. Он бросил мачту и ступил на перекладину. На палубе все смотрели и смеялись тому, что выделывала обезьяна и капитанский сын; но, как увидели, что он пустил веревку и ступил на перекладину, покачивая руками, все замерли от страха.

Стоило ему только оступиться, и он бы вдребезги разбился о палубу. Да если б даже он и не оступился, а дошел до края

перекладины и взял шляпу, то трудно было бы ему повернуться и дойти назад до мачты. Все молча смотрели на него и ждали, что будет.

Вдруг в народе кто-то ахнул от страха. Мальчик от этого крика опомнился, глянул вниз и зашатался.

В это время капитан корабля, отец мальчика, вышел из каюты. Он нес ружье, чтобы стрелять чаек. Он увидел сына на мачте, и тотчас же прицелился в сына, и закричал: „В воду! Прыгай сейчас в воду! Застрелю!“ Мальчик зашатался, но не понимал. „Прыгай, или застрелю!.. Раз, два...“ и как только отец крикнул: „три!“ — мальчик размахнулся головой вниз и прыгнул.

Точно пушечное ядро шлепнуло тело мальчика в море, и не успели волны закрыть его, как уже двадцать молодцов-матросов спрыгнули с корабля в море. Секунд через сорок — они долги показались всем — вынырнуло тело мальчика. Его схватили и вытащили на корабль. Через несколько минут у него изо рта и из носа полилась вода, и он стал дышать.

Когда капитан увидал это, он вдруг закричал, как будто его что-то душило, и убежал к себе в каюту, чтобы никто не видел, как он плачет.

Рисунок худ. Г. Нисского

КОТ, ТИГР и

ЧЕЛОВЕК

Обработал Н. Северин

Худ. А. Брей

Казакская сказка

Тигр встретил в лесу кота.

— Ты очень похож на меня, но почему ты такой маленький, даже меньше моих детенышей? — спросил тигр.

— Я был в руках у человека, — ответил кот.

— Что ж тебе пить, есть не давали?

— Что ты, что ты! — ответил кот. — Давали, даже от холода на печку прятали, от сильной жары берегли.

— Тогда не понимаю, отчего ты не вырос.

— Наверное, от страха перед человеком.

Захотелось тигру посмотреть на страшного человека.

Кот повел его к людям. На лугу встретились коровы. Тигр первый увидел их и крикнул:

— Вот, наверно, люди!

— Нет, это коровы, их человек ест, — сказал кот.

„Действительно, наверно, большие и страшные эти люди, если проглатывают таких животных с рогами“, — подумал про себя тигр.

Увидели слонов. Тигр принял их снова за людей.

— Нет, на них люди ездят, — сказал кот.

Тигр тут даже немного стал трусить.

— Вон, вон, человек! — крикнул кот.

Тигр стал смотреть выше леса.

— Да нет! Вон, видишь, стоит у дерева старичок и рубит, — показывает ему кот.

— Эх, ты, трусливый котишко, каких ты людей боишься!

И тигр смело пошел к человеку и спросил:

— Что ты делаешь?

— Дерево рублю. Помоги мне, — ответил человек.

— Ишь ты какой! Ты вкусно пахнешь, я тебя съем, — сурово заревел тигр.

— Тигр, пожалей меня: у меня маленькие внуки, они без дров замерзнут.

— А ты зачем кота обижаешь?

— Да что ты, тигр?! — удивился человек.

— Кис-са-нька, кисанька! — ласково позвал старик кота.

Кот вскочил ему на грудь и стал мурлыкать песенку. Кот тоже сказал тигру:

— Не трогай моего хозяина: не будет в доме дров — не будет для меня зимой теплого местечка.

— Ну, хорошо, — прорычал тигр человеку, — я тебе помогу нарубить дров, чтоб кот не замерз, а потом я тебя все равно съем.

И сильный тигр стал помогать старику. Он прямо лапами стал ломать большие деревья. Стали они вместе работать, а старик думает, как бы ему от тигра спастись.

Вот стал старик учить тигра, как скорее деревья ломать.

— Вот, вот сюда, рядом с этим клином, засовывай лапу, — сказал ласково старик.

Когда тигр глубоко засунул лапу, старик выдернул клин.

На весь лес завизжал зверь.

Кот зажал лапками уши и спрятался в траву.

Когда человек топором убил тигра, он нашел кота. Взял он кота за шиворот и, стегая его прутиком, приговаривал:

— Не шляйся по лесам, не шляйся по лесам! Не води дружбы с зверями. Сиди больше на печке!

Вот почему тигры бросаются на человека, кошки не ходят в лес, а сидят больше на печке.

Письмо к Дусе Виноградовой

З. Александрова
Худ. А. Щербаков

Много в поле выросло и хлопка и льна.
Дуся Виноградова, натки нам полотна!
Дед работал в кузнице, в сенокос косил
и рубашку синюю за лето сносил.
Все гордятся дедушкой, дедушкой моим.
Мы рубашку новую дедушке скроим.
Ситчику в горошину для меня сотки —
мои платья старые стали коротки.
Шелковинку белую запусти в уток,
вытки маме шелковый головной платок.
Дуся Виноградова, натки нам текстиля —
мы сошьем для каждого по дюжине белья.
А еще, пожалуйста, ты нам напиши,
как в цеху работаешь у своих машин.
У тебя немало их — двести восемь штук.
Как же ты справляешься, как хватает рук?
Как за каждой ниточкой можешь углядеть?
Дуся Виноградова, поскорей ответь.

По просьбе ребят Конобеевской школы
Московской области. Письмо написала З. Александрова.

МИМОЗА

Сергей Михалков
Худ. А. Каневский

Это кто накрыт в кровати
одеялами на вате?
Кто лежит на трех подушках
перед столиком с едой
и, одевшись еле-еле,
не убрав своей постели,
осторожно моет щеки
кипяченою водой?

Это, верно, дряхлый дед
ста четырнадцати лет?
Нет.

Кто набив пирожным рот,
говорит: „А где компот?
Дайте то!
Подайте это!
Почему вода, как лед?“

Это, верно, инвалид говорит?
Нет.

Кто же это?
Почему
тащат валенки ему,
 меховые рукавицы,
 чтобы мог он руки греть,
 чтоб не мог он простудиться
 и от гриппа умереть?

Может, он на полюс едет,
 где во льдах живут медведи?
 Нет.

Хорошенько посмотрите —
 это просто мальчик Витя,

мамин Витя,
папин Витя,
из квартиры номер шесть.

Это он лежит в кровати
с одеялами на вате,
кроме яблок и пирожных
ничего не хочет есть.
Почему?

А потому,
что, только он глаза откроет,
ставят градусник ему
и всегда, в любом часу,
что попросит, все несут.

Если утром крепок сон,
пропускает школу он.
Если в тучах небосклон,
целый день в кровати он.
Почему?

А потому,
что все прощается ему.
И живет он в новом доме,
не готовый ни к чему:
ни к тому, чтоб стать пилотом,
быть отважным моряком,
чтоб лежать за пулеметом,
управлять броневиком...

Он растет, боясь мороза,
у папы с мамой на виду,
как растение мимоза
в ботаническом саду.

БЕЛКА

*М. Пришвин
Худ. Р. Барто*

При первом рассвете выходим по одному в разные стороны в ельник за белками. Небо тяжелое и такое низкое, что, кажется, вот только на елках и держится. Многие зеленые верхушки совсем рыжие от множества шишек, а если урожай их велик, значит и белок много.

В той группе елей, куда я смотрю, есть такие, что вот как будто кто их гребешком расчесал сверху донизу; а есть кудрявые, есть молодые со смолкой, а то старые с серо-зелеными бородами: это лишайники. Одно старое дерево снизу почти умерло, и на каждой веточке висит длинная серо-зеленая борода, но на вершине плодов можно собрать целый амбар. Вот одна веточка на нем дрогнула. Белка, однако, заметила меня и замерла. Старое дерево, под которым мне пришлось дожидаться, с одной стороны внизу обгорелое и стоит в широкой круглой яме, как в блюде. Я раскопал прелые

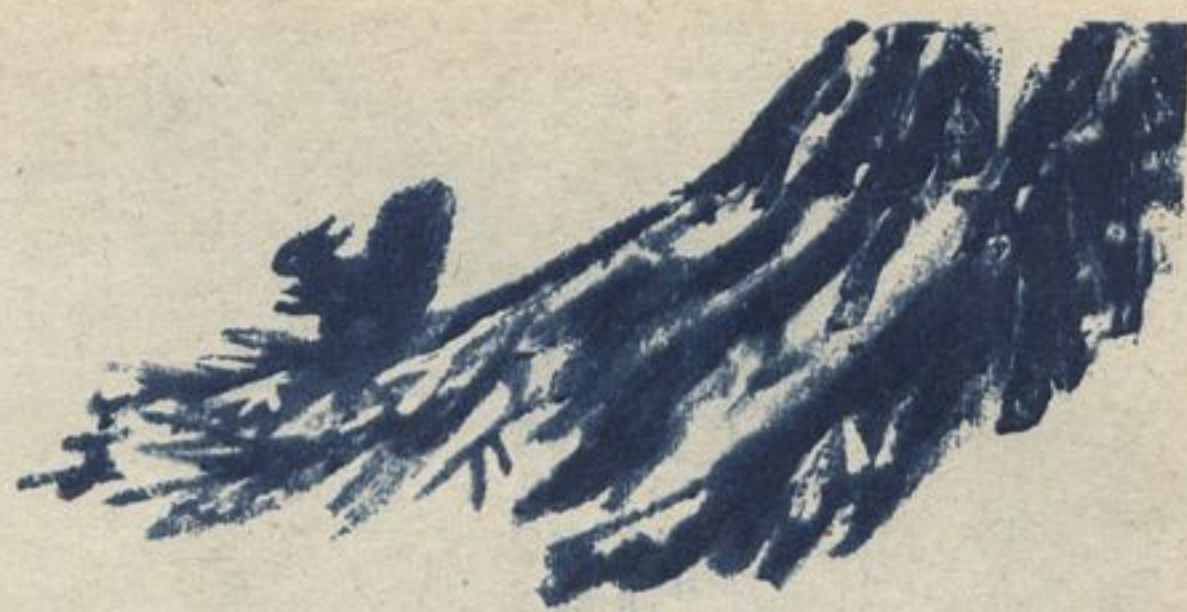
листья, нападавшие в блюдо с соседних берез, и открылась черная, покрытая пеплом земля. Вот теперь, увидев пепел, о многом я дсгадался. Прошлый год в этом лесу охотник шел зимой по следу куницы. Вероятно, она шла вёрхом, прыгая с дерева на дерево, оставляя на снежных ветках следы, роняя посорну. Преследование дорогого зверьна увлекло; сумерки застали охотника в лесу, пришлось ночевать. Под тем деревом, где я теперь стою, жил огромный муравейник, — быть может, самое большое муравьиное государство в этом лесу. Охотник очистил его от снега, поджег; все государство сгорело, и остался горячий пепел. Человек улегся на теплое место, закрылся курткой, поверх завалил себя пеплом, уснул, а на рассвете дальше пошел за куницей.

Весной в то блюдо, где был муравейник, налилась вода. Осенью лист соседних берез завалил его, сверху белка

насыпала много шелухи от шишек, и вот теперь я пришел за пушниной.

Мне очень захотелось использовать время ожидания белки и написать себе что-нибудь в книжечку об этом муравейнике. Совершенно тихо, очень медленным движением руки я вынимаю из сумки книжку и карандаш. Пишу я, что муравейник этот был огромным государством, как в нашем человеческом мире Китай. И только написалось:

„Китай“, прямо как раз в книжку падает сверху шелуха от шишки. Догадываюсь, что наверху, как раз надо мной, сидит белка с еловой шишкой. Она затаилась, когда я пришел, но теперь ее мучит любопытство: живой я или совсем остановился, как дерево, и ей уже не опасен. Быть может, даже она на-

рочно, для пробы, пустила на меня шелуху, подождала немного и другую пустила, и третью. Ее мучит любопытство: она больше теперь, пока не выяснит, никуда не уйдет.

Я продолжаю писать о великом государстве муравьев, созданном великим муравьиным трудом: что вот пришел великан и, чтобы себе переночевать, истратил все государство. В это время белка бросила целую шишку и чуть не выбила у меня книжку из рук. Уголком глаза я вижу, как она осторожно спускается с сучка на сучок, ближе, ближе, и вот прямо из-за спины поверх плеча моего смотрит, дурочка, в мои строки о великане.

Вот раз тоже было. Я выстрелил по белке, и сразу с трех соседних елей упало по шишке. Нетрудно было догадаться, что на каждой из этих елей сидело по белке, и, когда я выстрелил, все выпустили из лапок своих по шишке и тем себя выдали. Так мы в подмосковной тайге ходим за белками в ноябре до одиннадцати часов дня и от двух до вечера: в эти часы белки шелушат шишки на елках, начают веточки, роняют посорку, в поисках лучшей пищи перебегают от дерева к дереву. С одиннадцати до двух мы не ходим: в это время белка сидит на сучке в большой густоте и умывается лапками.

ПРО ЩЕНКА И

В Ленинграде,
на улице Мира,
в коридоре
огромной квартиры,
среди старых
корзин
и картонок
жили вместе
щенок и котенок.

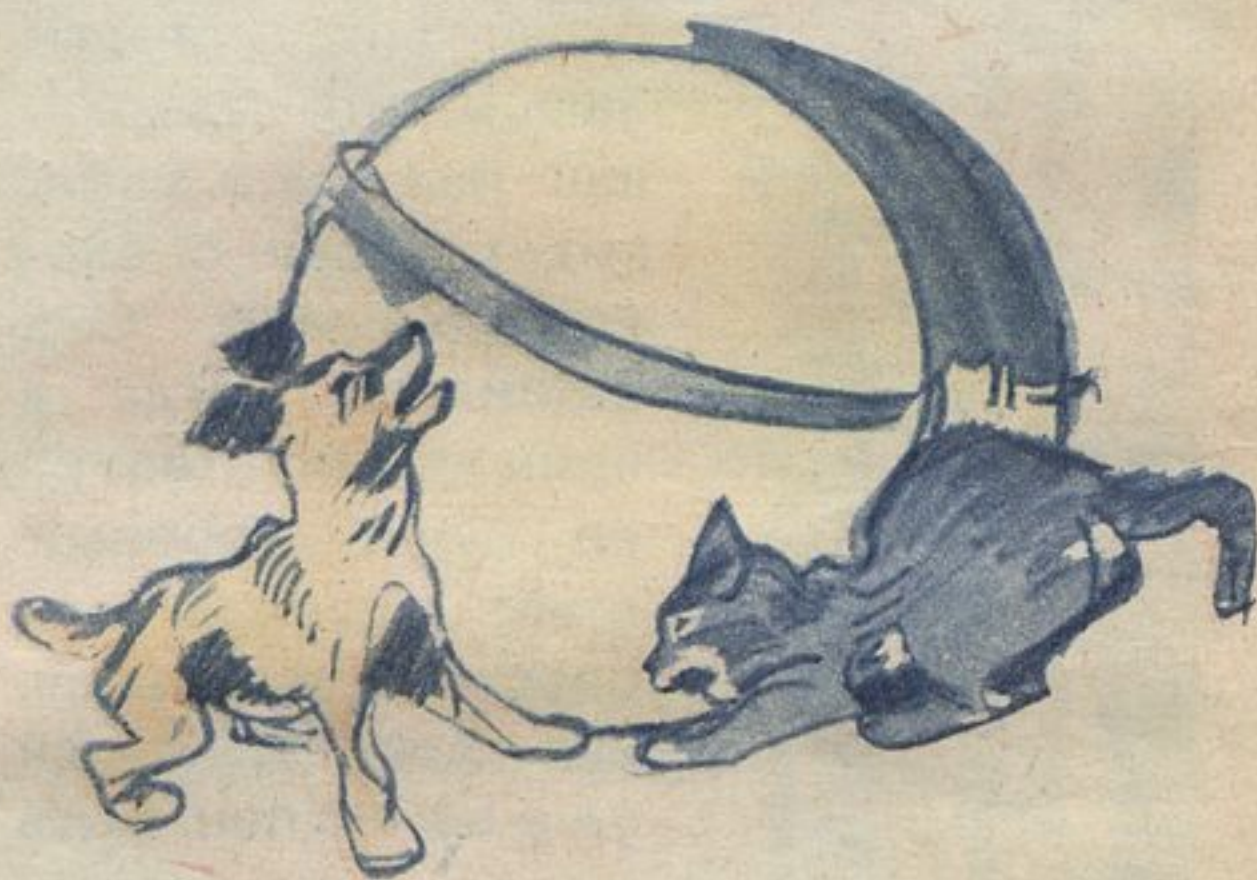
Спали оба
на коврике тонком
гладкий щенок
с пушистым
котенком.

Из одной
оловянной миски
ели кашу,
суп
и сосиски.

Утром, глаза
открывая,
спросонок:
„Здравствуй, щенок!“
мурлычет котенок.

Щенок, просыпаясь,
весело лает,
доброго утра
котенку желает.

Так бы и жили
до старости
оба,
жили бы дружно,
без ссор
и без злобы.
И не дрались бы
они никогда,
только однажды
случилась беда.

Хозяйка метлою
свалила со шкапа
большую картонку
котенку
на лапу.

ПРО КОТЕНКА

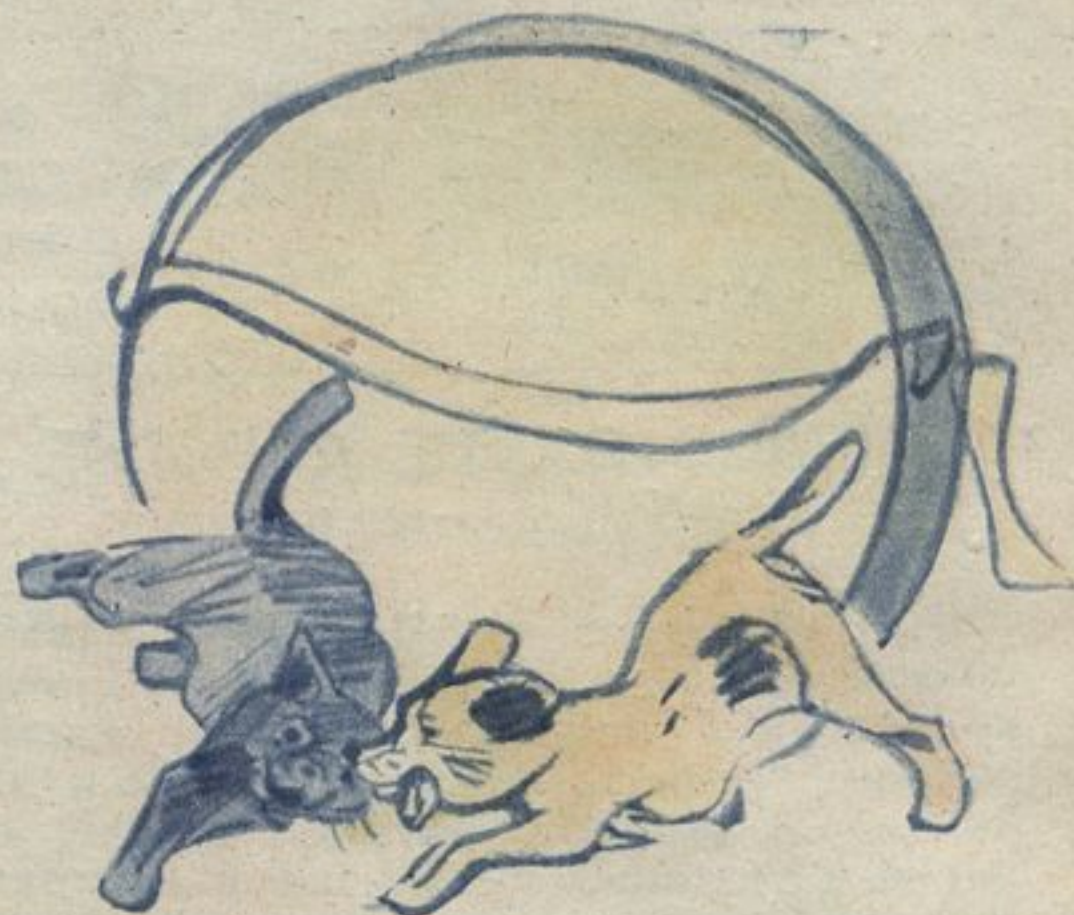
А. Введенский
Худ. К. Кузнецов

Картонка
упала,
задела слегка
лапу котенка
и спинку щенка.

Со шкапа
упала
картонка.
Щенок
зарычал
на котенка.

Котенок подумал,
потом не стерпел,
выпустил когти
и сам зашипел.

Но в ухо котенку
вцепился щенок,
и ноги котенок
едва уволок.

С тех пор
проходили
недели
и дни
и вместе
не пили,
не ели
они.

Когда в коридоре
друг друга встречали,
то оба шипели
и оба ворчали.

LONDON - PICCADILLY CIRCUS.

Лондон, площадь Пикадилли.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ РЕБЯТА—УЧЕНИКИ!

Мы, учащиеся советской начальной школы в Лондоне, шлем вам горячий привет! Мы живем далеко от нашей любимой родины, но так же, как и вы, учимся в нашей советской школе, по нашим советским учебникам и программам. Но, кроме этого, мы изучаем английский язык, почти все хорошо говорим по-английски. Часто мы ходим в музеи и парки, видим и слышим много интересного и нового.

28 сентября мы всей школой ходили встречать пароход „Сталинград“, который первый в одну навигацию прошел Великим Северным путем от Владивостока до Лондона. На пароходе мы познакомились с шестимесячным белым медведем „Мишкой“.

Теперь он уже перевезен в лондонский зоопарк. На прошлой неделе мы смотрели нашу кинокомедию „Веселые ребята“. Картина нам очень понравилась, и мы много и весело смеялись.

Пишите нам об учебе и жизни вашего класса, о новостях Москвы и т. п. Мы вам будем отвечать.

Что вас интересует из жизни Лондона, напишите. На первый раз мы вам посылаем несколько открыток с видами Лондона.

*С приветом ученики 2-го класса
Лондонской советской школы.*

Лондон - Москва

*Здравствуйте дорогие
лондонские ребята!*

Шлем вам наш октябрятский привет! Мы получили ваше письмо 10 ноября. Мы очень рады ему. Наш класс сильный, у нас десять отличников.

Мы тоже смотрели „Веселые ребята“. Мы очень весело провели праздник Октябрьской революции. У нас есть живой уголок. Мы ездим на экскурсии.

Шлем пламенный привет!

Диманштейн.

*Здравствуйте, ребята советской
лондонской школы!*

Как вы провели праздник Октябрьской революции? У нас в Москве построили метро, там чисто, светло и уютно. Когда едешь, то кажется, что ты дома в уютной комнате. На станции „Кировская“ очень длинный эскалатор, и на нем очень приятно ездить. На наших кремлевских башнях вместо старых орлов возвышаются теперь звезды.

Юра Шукин

Дорогие товарищи из Лондона!

Шлем вам горячий привет из Москвы. Учимся мы хорошо—наш класс имеет десять отличников. Вы спрашивали нас в вашем письме о новостях Москвы. У нас есть лучшее в мире метро, и мы все катались на нем.

Мы были на экскурсии в Ботаническом саду. У нас есть свой живой уголок. У нас там много ящериц, две птички: зяблик и чиж. И мы все ухаживаем за ними.

7 ноября некоторые из нас были на параде. Мы видели народных вождей. Это были: тов. Сталин, Молотов, Ворошилов, Каганович.

Мы очень любим свою родину. Наша школа имени Лепешинского. Вечером 7 ноября мы ездили смотреть иллюминацию.

Нам очень весело жить в такой стране, где нет ни рабов, ни капиталистов.

В. Голубев.

Москва, Охотный ряд.

КТО ПЕРВЫЙ

(Игра)

В эту игру могут играть двое, четверо и больше ребят.

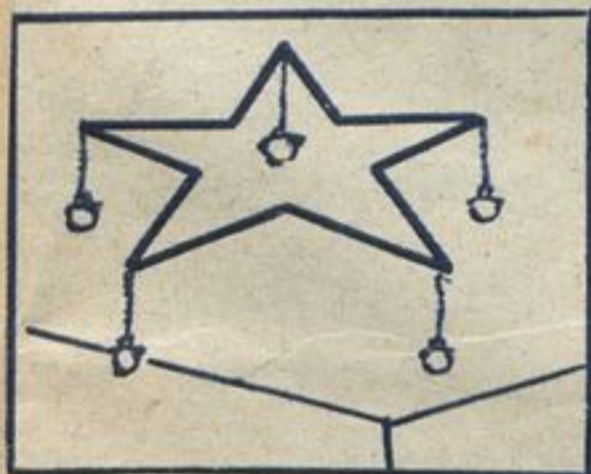
Первый игрок закрывает глаза и опускает палец на табличку с цифрами.

Если палец его придется на цифру 3, то он должен подняться вверх на третью клеточку. Если палец упадет на четвертую, игрок поднимается на четвертую клеточку... и т. д.

Но если он дойдет до черной клетки, он проиграл и должен начинать игру сначала.

Теряет же игрок свою очередь, если пальцем упадет не на цифру, а в пустое место.

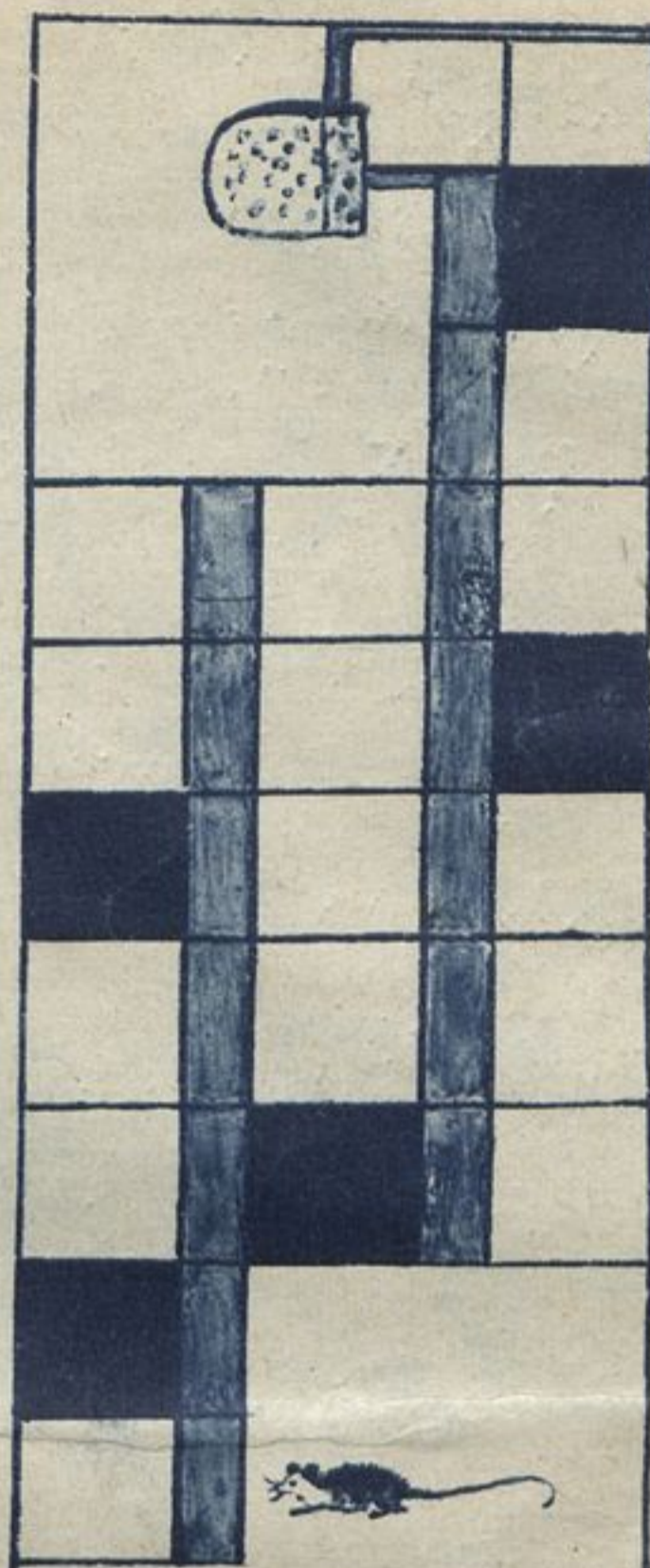
Выигрывает тот, кто первый доведет мышонка до куска сыра.

УВЕЛИЧЬ ЗВЕЗДУ!

В пионерском клубе на потолке нарисована пятиконечная звезда. В каждом конце ее на розетках висят электрические лампочки.

Как увеличить эту звезду, не трогая лампочек?

ЗАГАДКИ

1. Под гору коняшка, в гору деревяшка.

2. Летом кудри, а зимой — пудре.

ГОЛОВОЛОМКА

Как сделать из четырех спичек пятнадцать, не ломая их?

Ответ на головоломку в № 12

ОТГАДКИ

НА ЗАГАДКИ В № 11

Первая — Шурка — внучка.

Вторая — Ноты — фа — соль.

Третья — Дверная ручка.

Четвертая — Очки.

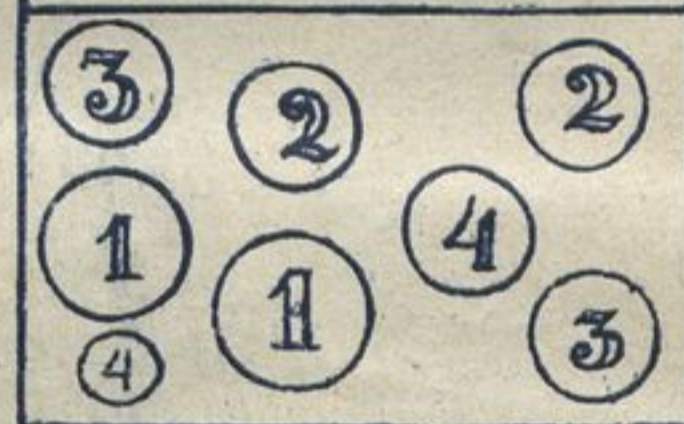
НА ЗАГАДКИ В № 12

Первая — Яма.

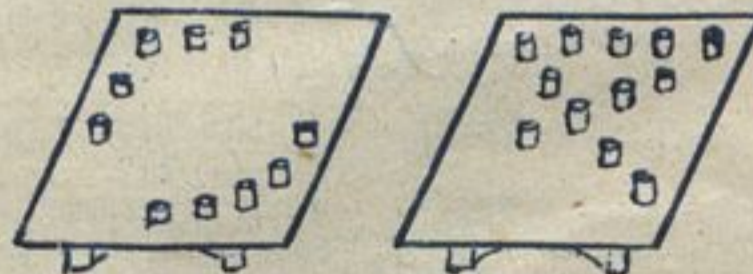
Вторая — Юла.

Третья — Коробка спичек.

Чьи это пятки — Медвежьи.

Ответы на головоломку. № 11

Редколлегия: Барто А., Маршак С., Кассиль Л., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответственный редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенникова В.

Сдано в набор 4/XII 1935 г. Подписано к печати 31/XII 1935 г. Объем 3 печ. листа. Ст.-формат 62x94¹/₈ листа

Уполн. Главлита Б-15722.

Детгиз № 514.

Заказ № 3571.

Тираж 225.000 экз.

Типография «Гудок», Москва, ул. Станкевича, 7.

Дуся Виноградова за работой

Дуся за свою работу получила
орден Ленина

Ответ Дуся
Виноградовой

Дорогие ребята!

Я прочитала ваше письмо и хочу вам ответить. Я теперь работаю не на 208, а на 216 станках. Вы просите наткать побольше полотна, — я стараюсь наткать как можно больше, чтобы всем ребятам хватило на платье и белье. В одну смену мои станки ткут 2414 метров.

Мои станки стоят рядами и занимают целый большой цех. Как только станки начинают ткать полотно, я начинаю ходить между станками и слежу за их работой. Стоит только какому-нибудь станку остановиться, я подхожу к нему, нахожу оборванную нить, вяжу ее ткацким узлом и снова пускаю станок.

Мои руки привыкли быстро и ловко работать. Я люблю свои станки и очень хорошо их знаю. Я могу их разобрать и собрать.

А теперь я скажу вам о своем желании — я хочу учиться, хочу стать инженером. Я — вожакая пионеротряда и вызвала ребят всей школы на соревнование по учебе.

И вас, ребята, я вызываю учиться на „отлично“.

Дуся Виноградова